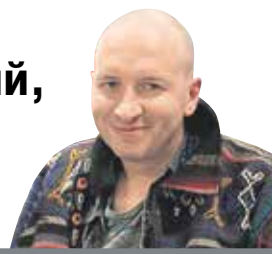

Артем Костюковский,

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
КОРРЕСПОНДЕНТ
РУСФОНДА

«Надеюсь, он поймет»

Прибавление семейства: последний день

В рубрике «Свои чужие дети» мы продолжаем говорить с усыновителями о том, как складываются их отношения с приемными детьми («Нас стало больше» и «Плач без слез», Артем Костюковский, «Ъ» от 18 и 25 апреля 2014 года). А складываются они по-разному. Например, у Дарьи Алексеевой, волонтера одного из московских центров по работе с выпускниками коррекционных детских домов и психоневрологических интернатов, история оказалась драматической. В 2012 году Дарья взяла под опеку 13-летнего Даню, а в 2014 году оформила отказ.

31 декабря 2013 года.

— Перед самым Новым годом Дания вернулся домой после очередного побега. Сказал, что вернулся совсем и готов исправиться. У нас состоялся разговор, в ходе которого я сказала, что не смогу больше разрешать ему вести себя, как он захочет. И он снова ушел из дома. Больше я Даню не видела.

Когда мы познакомились, мне было 19 лет, а ему 12, он жил в детдоме, куда я уже полтора года почти каждые выходные ездила как волонтер. Я понимала, что разовые поездки ничего не решают, но я могу стать другом ребенку, которому не хватает личного общения. Я осознанно выбрала подростка, поскольку шансы, что его заберут в семью, были очень низкими, а у мальчика были проблемы с учебой и поведением. С ним с самого начала было классно, просто и близко. Какие-то вещи в Дане казались противоречивыми общему деструктивному настрою «хулигана» — иконки в шкафу, фотографии семьи в альбоме, умение доделывать до конца даже самые нудные поделки, когда вся группа уже ушла на обед. Все это давало надежду.

Были и хорошие моменты, и сложные. Проблемы начались почти сразу — с учебой. Это все было поправимо, хотя и очень тяжело. Конечно, меня предупреждали обо всех возможных сложностях, я была к ним готова. Жизнь превратилась в борьбу — школа, поликлиники, опека. Наше личное общение шло легко и душевно «здесь и сейчас», но едва он выходил из дома, начиналась какая-то другая жизнь, на которую я не могла повлиять.

Первый год прошел относительно спокойно, но потом случилось знакомство с плохой компанией и множество поступков, которые доказывали, что Даня плевать на наш дом, безопасность и на меня саму. Конечно, я никогда не ждала, что он будет испытывать родственные чувства, но мне сложно было сталкиваться с предательством — каждую неделю, в любой, самый неожиданный момент. Продолжался мятарства с учебой, было три побега из дома за два месяца. Причем он не бежал в ночь — просто уходил каждый раз, когда его что-то не устраивало. И вот он ушел совсем.

Моей ситуации посвящены огромные ветки на форумах сайтов, где обсуждается усыновление. Удивительно, сколько же у нас компетентных экспертов: одни говорят, что «мозг девочке не подвели», другие упрекают, что «слишком много думала о себе», третьи — что «опека не доглядела». И все правы: конечно, идеальные усыновители — это понимающая мама, желательна неработающая, это здоровый суровый мужик, который и работает, и стучит кулаком, и восстанавливает справедливость, и еще желательна, чтобы у них были свои выросшие дети. Но почему-то не оказалось таких рядом с Даней, он не нужен был таким.

Наверное, я могла бы и дальше «воспитывать», я не отказывалась по причинам типа «нет результата» или «я устала». Просто мне стало ясно, что ему плевать, что он изначально использовал всю эту ситуацию как удобную для себя, пересел с детдомовской шен на мою. Я могла бы и дальше тянуть лямку, могла бы дожить до его 18-летия и выглядеть для общества героем. Но стало бы лучше ему? Нет, не стало бы. Начать все сначала в точке, где мы оказались, невозможно. Невозможно и встряхнуть его так, чтобы что-то изменилось, — он уже слишком взрослый. Отлучение (в нашем случае это детский дом) — это единственный шанс на ремиссию. Раньше я думала, что мужество нужно, чтобы взять ребенка. Намного больше мужества мне понадобилось, чтобы его вернуть.

Наша с Даней история не закончена. Мы продолжаем общаться в «В контакте». Общаемся гораздо больше и на ином уровне, чем когда он жил у меня. Мне кажется, сейчас я лучше понимаю, что он чувствует. Надеюсь, и он будет лучше понимать меня. Мелькает даже мысль, что мы когда-нибудь снова увидимся, что он приедет ко мне. Но я не знаю, какой будет эта встреча.

Весь сюжет
rusfond.ru/svoi-chuzhie-deti

У Лизы будут и донор, и лекарства

25 апреля в «Ъ» и на сайте rusfond.ru мы рассказали историю Лизы Жуковой из Санкт-Петербурга («Время ожидания», Виктор Костюковский). У девочки милобластный лейкоз, для спасения требуется трансплантация костного мозга.

Рады сообщить, что вся сумма (1 407 423 руб.) на поиск донора и лекарства собрана. Светлана, мама Лизы, благодарит за помощь. Примите и нашу признательность, дорогие друзья!

Всего с 25 апреля 1 169 808 телезрителей «Первого канала», читателей rusfond.ru, «Ъ» и 45 региональных СМИ, партнеров Русфонда, исчерпывающе помогли 101 больному ребенку на 100 226 706 руб. Спасибо!

полный отчет
rusfond.ru/sdelano

Не бояться

Максима Черномазова спасет курсовое лечение

Мальчику пять месяцев от роду. У него несовершенный остеогенез, повышенная ломкость костей. Первые переломы плеч и бедер он получил еще внутриутробно. Поэтому до сих пор не научился переворачиваться на живот и едва держит голову. Краснодарские неонатологи выписали его домой, сказав, что несовершенный остеогенез не лечится. Неправда! Лечится. Мальчику просто нужны лекарства, чтобы укрепить кости, и тогда он научится ползать, сидеть, ходить. Просто чуть позже, чем другие дети. Только лечение платное, родным Максима оно не по карману.

В первый день после кесарева сечения Наташе принесли младенца кормить, он ел и плакал. А на второй день вообще не принесли. Врачи сказали, что у мальчика несовершенный остеогенез, что есть как минимум два перелома и что это не лечится. Лучше ребенка вообще не трогать, а то опять сломаются. И перевезли мальчика в центр патологии новорожденных. Первую от рождения неделю Наташа сына вообще не видела.

Наконец к четвертой неделе, когда перелома коеле как зажили, мальчика выписали. Принесли Наташе да-

же не одетого, а закутанного в пеленку: боялись одевать. Положили на руки, как если бы он был хрустальный. Сверху на ребенка положили выписку — бумажный листок, но и его тоже клали осторожно, как если бы и листок бумаги мог ребенку что-нибудь сломать. Сказали: «Удачи вам, мамочка».

Наташа пыталась спрашивать, как обходиться с таким ребенком. Как его кормить, купать, одевать? Но врачи и сами не знали. У них в Краснодарском перинатальном центре это первый случай. Врачи сказали, что материнское сердце должно подсказать, как кормить, купать и одевать младенца, которого и на руки-то взять страшно.

Наташа принесла Максима домой, положила в кроватку, раздела. И ушла на кухню рыдать. А он лежал и молчал. Наташа порывалась как следует, взяла чашку воды и первый раз в жизни испугала мальчика, поливая его водой и что это не лечится. Лучше ребенка вообще не трогать, а то опять сломаются. И перевезли мальчика в интернет. Должны же быть еще такие дети. Живут же они как-то? И наша. В Москве — частную клинику (других нет), врачей, сообщество пациентов.

Они летели вчетвером — с мужем и старшей двухлет-

ней дочкой. Потому что Наташа тогда могла только беречь Максима и ничего больше не могла сделать с Максимом на руках. Ни дверь открыть, ни сумку понести. А старшую дочку с собой взяли, потому что ее не с кем было оставить, раз уж мама, папа и младший брат летят в Москву.

Доктор в Москве сказала: «Наш клиент», едва взглянув на ребенка, даже до рентгеновских снимков и прочих обследований. Доктор спросила, берет ли Наташа ребенка на руки.

— Конечно. Как же его не взять?

— А на живот кладете?

— Нет, а разве можно?

Доктор сказала, что можно и нужно класть на живот, заниматься гимнастикой, играть с погремушками, развешивать. Разумеется, все это на фоне лекарств, укрепляющих кости.

— И вообще, — сказала доктор, — не надо бояться мальчика.

Потом доктор взяла Максима на руки и решительно положила на живот. Он заржал так, что Наташа была уверена: опять сломал что-нибудь. Доктор, кажется, тоже подумала, что мальчик что-нибудь сломал. Во всяком случае, внимательно осмотрела его.

— Как понять, что у младенца перелом? — спросила Наташа.

Принесли Максима в пеленке: боялись одевать. Положили так на руки, будто он хрустальный. Сверху положили выписку — бумагу, и тоже так осторожно, как если бы и бумага могла Максиму что-нибудь сломать

— Смотрите внимательно. Место перелома краснеет и опухает довольно быстро.

Домой в Краснодар Наташа вернулась обнадуженная. Она увидела врачей, которые знают, что делать. Увидела таких же детей, как ее мальчик, только подростки. Увидела, что и живут эти дети, и растут, и ходят, да не просто ходят, а в школу. Увидела, что даже с деформированными руками и ногами дети эти выглядят не уродливо как-то, а по-особенному трогательно.

Услышала слова: «Не надо бояться мальчика».

В первый же вечер Наташа положила Максима на живот — заниматься гимнастикой. Мальш сразу заржал как резаный.

— Ну, что ты, малыш, надо же заниматься, — сказала Наташа.

И Максим затих, как будто бы понял, что говорит мама. А Наташа посмотрела, нет ли где-нибудь на теле мальчика отеков и покраснений.

Валерий Панюшкин

КАК ПОМОЧЬ

ДЛЯ СПАСЕНИЯ МАКСИМА ЧЕРНОМАЗОВА НЕ ХВАТАЕТ 580 ТЫС. РУБ.

Заведующая отделением врожденных патологий клиники «Глобал Медикал Систем» (GMS Clinic, Москва) Наталья Белова: «Максим родился с переломами левого бедра и правого плеча. Как показали снимки, малыш перенес множественные переломы бедер, плеч и большой берцовой кости еще в утробе матери. По счастью, родители вовремя обратились к нам. Максиму показана курсовая терапия препаратом памидронат в течение

полутора лет — это пять курсов. Чем раньше мы начнем лечение, тем быстрее укрепится костная масса, а значит, удастся избежать дальнейших переломов и деформации костей. Максим догонит сверстников в развитии, будет активно двигаться, надеюсь, сможет ходить».

Лечение обойдется Черномазовым в 580 тыс. руб., таких денег у семьи нет.

Дорогие друзья! Если вы решите спасти Максима Черномазова, то пусть вас не смущает

цена спасения. Любое ваше пожертвование будет с благодарностью принято. Деньги можно перечислить в Русфонд или на банковский счет мамы Максима — Натальи Григорьевны Черномазовой. Все необходимые реквизиты есть в Русфонде. Можно воспользоваться и нашей системой электронных платежей, сделав пожертвование с кредитной карточки или электронной наличностью, в том числе и из-за рубежа.

Экспертная группа Русфонда

Есть время

История мальчика, который перешагнул невозможное

ЖИЗНЬ. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Были времена, когда у Максима Казарина случалось по три-четыре перелома костей ног в год. С пяти до восьми лет Максим вообще не ходил и даже не вставал с кровати. Русфонд не только собрал деньги Максиму на операции и дорогие препараты. Сейчас 14-летний парень ходит. По его пьесе «Вторжение» артисты столичного Театра имени Пушкина сыграли спектакль, все в семье рассчитывают, что Максим со временем поступит в московский вуз и сам будет ездить на занятия.

Вот что рассказывает Александра Казарина, мать Максима, о том, как можно менять наш старый добрый печальный мир:

«В год и одиннадцать месяцев у Максима случился первый перелом. Мы не обратили особого внимания. Ну, бывает, упал. Наложили гипс. А через две или три недели после того, как гипс сняли, он снова ломает ту же ногу. А потом ломается правая нога уже в трех местах сразу. Диагноз — несовершенный остеогенез. ... Но с тех пор как Максим начал лечиться, у него случается один перелом в полтора-два года, это

очень существенные перемены, это значительно облегчает жизнь. Силы стали к нему возвращаться. Он ходит без костылей! Я считаю, что главное в любой трудной ситуации — верить, что все будет хорошо, не замыкаться, не отчаиваться, а бороться, искать, добиваться.

Вот у меня была цель перебраться поближе к Москве, чтобы легче было добираться до больниц и процедур. Продали во Владимире большой просторный двухэтажный дом, переехали в двухкомнатную квартирку в Ногинск. Следующая цель — чтобы Максим окончил нормально школу и поступил в университет, научился ходить, преодолевать препятствия и стал сам ездить в Москву. Может быть, я буду провожать его первое время, но хочу, чтобы в конце концов он сам умел передвигаться.

Жизнь на самом деле прекрасна. Что бы ни случилось, надо ее жить. В мире столько доброты, столько добрых людей! Пока не сталкиваешься с проблемой или бедой, наверное, этого не замечаешь. Тут некоторое время назад мы решили впервые отдохнуть и поехали на машине в Анапу. И он там у нас упал неудачно... Сломал обе ноги и руку. Мы ехали потом на машине два дня домой, и нам всю дорогу помогали люди, которые нас даже не знали!»

А вот что говорит о радостях жизни сам Максим Казарин:

«Когда мне хватало фантазии, я хотел написать книгу «Властелин колец». Потом фантазии поубавилось, и я эту идею забросил, тем более есть фильмы по книге, которую в конце концов написал не я. И эти фильмы помню наизусть, с любого места. Зато потом я участвовал в интересном проекте «Театральная перспектива». Был в лагере, и там неделю нас учили писать пьесы. Мы с другом написали пьесу «Вторжение». Два подростка заигрались в компьютер, и им начало мерещиться вторжение пришельцев. Они решают спасти мир, проникают на корабль, взрывают его, взрываются сами, просыпаются, радуются, что уцелели, выходят на улицу, а там — нападение террористов. И непонятно, это снова игра или все происходящее. И эту пьесу потом поставили в театре Пушкина в Москве, нам показывали в декабре. Не знаю, может быть, я еще напишу роман или продолжение пьесы. И надо еще придумать о чем. Но время у меня есть еще».

Сергей Мостовиков, специальный корреспондент Русфонда

Весь сюжет
rusfond.ru/after

Из свежей почты

Макар Беляк, 2 года, детский церебральный паралич, требуется курсовое лечение. 197 800 руб.

Преждевременные роды были вызваны стрессом: всего девять дней прошло после смерти моей мамы. Мне сделали кесарево сечение, малышка забрала в реанимацию. Там он провел две недели и еще месяц — в краевой больнице. Врачи сообщили, что в результате гипоксии у Макара «расслабилась» какой-то участок мозга. У сына ДЦП, задержка психоречевого и моторного развития, частичная атрофия зрительного нерва. Рука и нога не действуют, вся левая сторона напряжена. Макар сидит, может постоять с поддержкой. Произносит слоги, реагирует на обращенную речь, слушает песни. Все это благодаря массажу и постоянным занятиям. Но этого мало! Институт медтехнологий (ИМТ) эффективно лечит детишек с ДЦП, да нам такое лечение не оплатят. Живем в доме у бабушки вместе с моей сестрой и ее ребенком. Помогите! Ангелина Беляк, Краснодарский край.

Невролог ИМТ Елена Малахова (Москва): «Макара необходимо госпитализировать для восстановительного лечения. Научим его стоять и ходить, разовьем речь и бытовые навыки».

Ваня Кузин, 8 лет, сахарный диабет первого типа, требуются инсулиновая помпа и расходные материалы. 151 055 руб.

В прошлом году Ваня пошел в школу. Теперь я не могу находиться рядом, измерять сахар, делать уколы. Сын учится сам контролировать свое состояние. У Вани так много запретов! Нельзя есть что хочется, нельзя долго играть с друзьями, нельзя пропустить укол. Количество инъекций постоянно увеличиваем, а уровень сахара все равно скачет. При таком нестабильном диабете осложнения неизбежны. Наша спасение — инсулиновая помпа. Этот прибор работает как здоровая поджелудочная железа. Помпа, конечно, не вылечит диабет, но поможет компенсировать его. Сын будет чувствовать себя намного свободнее в школе и на улице. К несчастью, бесплатно этот прибор не заполучить. Помогите нам, пожалуйста! Ольга Царева, Москва.

Главный детский эндокринолог Центрального административного округа Ирина Матаж (Москва): «У Вани склонность к повышению сахара в утренние часы. Достигнуть длительной компенсации не удастся. Мальчику поможет помповая инсулинотерапия».

Андрей Маякин, 2 года, врожденная правосторонняя косополость, рецидив, требуется лечение. 155 тыс. руб.

Раз шесть мне делали УЗИ во время беременности и патологии не обнаружили. А у сына оказалась врожденная косополость! В областной больнице ножку малышка пять месяцев гипсовали, затем прооперировали. Врачи уверяли, что все хорошо, а во время смены повязок было видно, что нога кривая. Гипсовали еще девять месяцев, но в правильное положение стопу так и не вывели. Мы возили сына в другие города, но все врачи говорили, что нужны еще операции. Андрей еле ходит, ногу ставит на ребро стопы, а нога худая, с неразвитыми мышцами. Мы узнали про надежный метод Понсети, освоенный в Ярославской клинике. Помогите оплатить такое лечение! Муж водитель. На его зарплату и Андрюшину пенсию, что дали на один год, живем с двумя детьми. Жилья нет, теснимся у родни. Ольга Маякина, Иркутская область.

Руководитель клиники «Современные медицинские технологии» Юрий Филимендинов (Ярославль): «Сочетая консервативное и оперативное лечение по методу Понсети, мы избавим Андрея от косополости».

Ульяна Шипицина, 2 года, врожденный порок сердца, спасет эндоваскулярная операция. 198 тыс. руб.

Внимание! Цена операции 253 тыс. руб. Группа строительных компаний ВИС внесет 55 тыс. руб. Не хватает 198 тыс. руб.

Дочка у нас долгожданная и любимая, брат старше ее на десять лет. Сын перенес операцию на сердце, и мы очень боялись за Ульяну, но в роддоме нарушений в работе ее сердца не нашли. А в три месяца диагностировали врожденный порок с таким же, как у брата, дефектом межпредсердной перегородки. Дефект увеличивается. Улы плохо ест и медленно растет, стала худенькой и пассивной. Сейчас ее состояние стабильно, и кардиологи торопят нас с операцией. Говорят, упустим момент — неизбежны тяжелые осложнения. Томский кардиоцентр берет Ульяну на щадящую операцию. Помогите ее оплатить! Муж военнослужащий, живем на его зарплату 19 тыс. руб. в доме с печкой. Елена Шипицина, Омская область.

Ведущий научный сотрудник НИИ кардиологии СО РАМН Евгений Кривошеков (Томск): «Улы показано эндоваскулярное закрытие дефекта межпредсердной перегородки».

Реквизиты для помощи есть в фонде. Возможны электронные пожертвования (подробности на rusfond.ru).

Почта за неделю 25.04.14 — 15.05.14

получено ПРОСЬБ — 86

ПРИНЯТО В РАБОТУ — 73

ОТПРАВЛЕНО В МИНЗДРАВ РФ — 13

получено ОТВЕТОВ ИЗ МИНЗДРАВА РФ — 23

Всё сюжеты
rusfond.ru/помогите, пожалуйста

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Русфонда

Русфонд (Российский фонд помощи) создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Ъ». Проверив письма, мы размещаем их в «Ъ», на сайтах rusfond.ru, livejournal.com, «Эхо Москвы», в эфире «Первого канала», а также в 45 печатных, телевизионных и интернет-СМИ в различных регионах РФ. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты фонда и дальше действуете сами либо отправляете пожертвования через систему электронных платежей. Возможны переводы с кредитных карт, электронной наличностью и SMS-сообщением, в том числе из-за рубежа (подробности на rusfond.ru). Мы просто помогаем вам помогать. Читателям и телезрителям затея понравилась: всего собрано свыше \$155,8 млн. В 2014 году (на 15 мая) собрано 646 332 869 руб., помощь получили 549 детей. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник» за 2000 год.

Адрес фонда: 125252, г. Москва, а/я 50; rusfond.ru; e-mail: rusfond@rusfond.ru.

Телефон: 8-800-250-75-25 (звонок по России бесплатный, благотворительная линия от МТС), факс: (495) 926-35-63 с 10:00 до 20:00.